

МЕНТАЛЬНОЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА

MENTAL AND LINGUOCULTURAL SPACE OF DISCOURSE

Научная статья

УДК 8113

DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-57-66

И. А. Крылов в зеркале русско-персидского межкультурного диалога

Халида Сиями Эйдлак¹, Бахаре Чераги²

¹Боджнордский университет, г. Боджнорд, Иран,

²Университет им. Шахида Бехешти, г. Тегеран, Иран

¹kh.siyami@ub.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-9466-7428>,

²bahareh.cheraghi@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-7602-1308>

В развитии иранского литературоведения переводы произведений великого русского баснописца И. А. Крылова способствуют взаимопроникновению и взаимообогащению культур двух народов. Данная статья содержит анализ переводческих интерпретаций басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица» на иранском языке, воспроизведённых с языка оригинала через язык-посредник (английский язык). В работе подчёркивается значение перевода литературного наследия И. А. Крылова на развитие и взаимодействие культурных отношений между Ираном и Россией. Актуальность работы обусловлена подъёмом интереса иранских читателей к многомерным переводческими вариациями произведений И. А. Крылова с разных языковых культур. В результате данного явления возникает и больший интерес исследователей в области сопоставительно-семантического анализа соответствия их оригиналу. Крыловское наследие насчитывает 236 басен, в связи с чем в рамках данной научной статьи авторами в качестве материала исследования была избрана басня «Ворона и Лисица», которая прочно вошла в культурную жизнь иранского народа и, к тому же, соответствует воспитательному менталитету, как подрастающего поколения, так и всего иранского общества. Цель исследования – соотнести текст оригинала басни «Ворона и лиса» с различными его переводческими интерпретациями на персидском языке. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования материала в процессе преподавания творчества русского баснописца в вузах институт российской истории, а также в качестве примера по предмету теории перевода художественных текстов. В статье впервые предпринята попытка изучения творчества И. А. Крылова через сопоставительно-семантический анализ басни «Ворона и Лисица» в изданиях на иранском языке переведённых с разных языков-источников.

Ключевые слова: перевод, Иван Андреевич Крылов, Иран, Россия, литература, «Ворона и лисица»

Original article

I. A. Krylov in the Mirror of Russian-Persian Intercultural Dialogue

Khalida Siyami Eidlak¹, Bahareh Cheraghi²

¹University of Bojnord, Bojnord, Iran, ²Shahid Beheshti University, Tehran, Iran

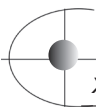
¹kh.siyami@ub.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0001-9466-7428>,

²bahareh.cheraghi@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0001-7602-1308>

In the development of Iranian literary criticism, translations of the works of the great Russian fabulist I. A. Krylov contribute to the interpenetration and mutual enrichment of the cultures of the two countries. This article contains an analysis of translation interpretations of the fable by I. A. Krylov's The Crow and the Fox in

© Халида Сиями Эйдлак, Бахаре Чераги, 2023

Iranian, produced both from the original language and through an intermediary language, or rather from English. The paper emphasizes the importance of translating the literary heritage of I. A. Krylov on the development and interaction of cultural relations between Iran and Russia. The relevance of the work is due to the rise in the interest of Iranian readers to the multidimensional translation variations of the works by I. A. Krylov from different linguistic cultures. As a result of this phenomenon, there is also a greater interest of researchers in the field of comparative semantic analysis of their correspondence to the original. The Krylov heritage includes 236 fables, in connection with which, in the framework of this study, the authors chose the fable The Crow and the Fox as the methodological basis for the study. This fable has firmly entered the cultural life of the Iranian people and corresponds to the educational mentality of both the younger generation and the entire Iranian society. The purpose of the study is to make a comparative analysis of the text of the original fable The Crow and the Fox with its various translations in Persian. The practical significance of the study lies in the possibility of using the material in the process of teaching the work of the Russian fabulist in the universities of Iran, as well as as an example in the subject of the theory of translation of literary texts. The novelty of the work lies in the fact that at the moment it is the first attempt to study the work of I. A. Krylov through a comparative semantic analysis of the fable The Crow and the Fox in publications in Iranian translated from different source languages.

Keywords: translation, Ivan Andreevich Krylov, Iran, Russia, literature, The Crow and the Fox

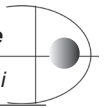
Введение. На данный момент русско-иранские отношения переживают взлёт во всех областях соприкосновения и одним из основных путей взаимодействия и взаимообогащения в области культуры и межкультурного диалога России и Ирана. На современном этапе популяризируются и публикуются произведения русских классиков в Иране. Проблема литературного взаимодействия через призму творчества отдельных писателей стала одной из ведущих в исследованиях литературоведов. Особое внимание уделяется проблемам освоения творчества русских писателей и их влиянию на национальные литературы [1, с. 5]. Русско-персидские культурные отношения, а именно в области литературы являются сравнительно новым явлением и вызывают всё больший интерес иранских исследователей и читателей к произведениям русских классиков. По словам профессора Тегеранского Университета Дж. Карими-Мотаххар, «Русские переводные произведения становились частью национальной литературы, способствовали её обогащению и развитию. И сейчас мы смело можем сказать, что без учёта переводной литературы картина национального литературного развития не будет полной» [2, с. 1]. В наше время перевод стал одной из основных форм взаимосвязи между народами. Необходимость сделать достоянием своего народа духовные богатства других народов путём перевода так естественно, что не нуждается в объяснении [3]. «Новая волна интереса к русской литературе спровоцировала в начале XXI века бум переводов. Переводчики нового поколения отличаются от своих предшественников тем, что работают напрямую с языком оригинала, а не с языками-посредниками (ан-

глийским или французским), как было раньше» [4, с. 3].

С именем И. А. Крылова в мировой и русской литературе связывают развитие баснописания. «И. А. Крылов – русский поэт, сатирик и драматург XVIII века. А. С. Пушкин назвал Крылова "во всех отношениях самым народным нашим поэтом". В. Г. Белинский подчёркивал народность басен Ивана Андреевича. Он писал, что басни Крылова – сокровищница русского практического смысла, русского остроумия и юмора, русского разговорного языка, они отличаются простодушием и народностью» [5, с. 176].

Произведения И. А. Крылова были переведены на 50 языков мира, они оказали огромное влияние на развитие мировой литературы, и Иран в данном отношении не является исключением. Персидские интерпретации басен И. А. Крылова сыграли знаковую роль в переводческой деятельности иранских переводчиков и внесли неоценимый вклад в развитие персидской литературы и литературоведения. Первые знакомства с баснями И. А. Крылова у персидских читателей произошли в середине XX в. при посредстве переводчиков с английского и французского языков. К ним относятся труды Х. Ягмаи, С. Алипур, Н. Саади и др. Б. С. Азабдафари, переводчик басен И. А. Крылова с английского языка на персидский, приводит слова английского русиста Бернарда Пэйрза: «Его творческий путь совпадает с зарождением современной русской литературы, а сам он является одним из пионеров классической русской литературы» [6, с. 28].

Благодаря деятельности переводчиков первое знакомство иранских учеников с баснями Крылова начинается в средних образовательных учреждениях, а отдельные бас-

ни И. А. Крылова даже рекомендованы Министерством образования Ирана к изучению уже в начальных классах. Более подробно творчество баснописца И. А. Крылова изучается в вузах Ирана в рамках таких учебных предметов, как: «Знакомство с русской литературой XVIII–XIX веков» – при ознакомлении с творчеством писателей данного периода; «Теория литературоведения» – при знакомстве с малыми эпическими жанрами; «Литературные течения и направления» – при изучении литературного направления – реализм.

Творчество И. А. Крылова открыло, как для переводчиков, так и для иранского читателя новую ступень литературно-культурных связей России и Ирана. Басни Крылова способствуют в Иране глубокому взаимопроникновению культур и представляют особую воспитательную ценность, так как иранский читатель находит в них наставления, которые веками ценятся иранским обществом. Известно, что на Крылова как баснописца оказало сильное влияние творчество Лафонтена, который обращался в своём творчестве к восточным мотивам, сюжетам и образам таких персидских поэтов, как Хакима Локмани, Саади Ширази, Джалал ад-Дина Руми. Да и сам Крылов подчёркивал, что значительная часть его басен наполнены поучительным духом персидского фольклора. Именно поэтому басни Крылова с лёгкостью оседают в персидской литературе как элемент взаимопроникновения и взаимообогащения литературного и культурного развития русского и иранского народов, а иранский читатель с лёгкостью находит в баснях Крылова восточно-персидскую основу, которая пришла изда-лека, но так схожа с их родной.

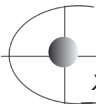
В исследовании впервые подвергаются сопоставительно-сравнительному анализу басня И. А. Крылова «Ворона и Лисица» и его переводческие интерпретации на персидском языке, выполненные с русского и с английского языков, с целью выявить соответствие текста оригинала двум представленным переводческим интерпретациям. Общеизвестно, что сюжет обозначенной басни был использован многими баснописцами. «...Широко известная басня "Ворона и Лисица" с таким же точно названием встречается и у Эзопа, и у Лафонтена. Этот же сюжет описан и у Тредиаковского, и у Сумарокова, и у Хераскова, на этот же сюжет, с таким же названием написал басню и Крылов» [9].

Мы неслучайно остановили наш выбор на басне «Ворона и Лисица». Являясь одним из самых известных творений И. А. Крылова, она занимает особую нишу не только в творчестве самого писателя, но и в культуре персидского народа она имеет немаловажное значение. Это связано с тем, что с самого раннего возраста иранских малышей данная басня занимает особое место в их нравственно-воспитательном процессе. Очень часто по местному телевидению и радиовещанию проходит трансляция мультипликационного фильма с одноимённым названием, а также используются выражения и цитаты из басни в передачах познавательного характера. Следовательно, данная басня полностью соответствует воспитательной доктрине персидского менталитета.

На данный момент в Иране известно несколько вариантов перевода данного произведения. Иранская версия басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица» представлена переводами Х. Яагмаи, Н. Саиди и М. Иражд, которые работали с французским вариантом басен Лафонтена. Перевод Б. С. Азабдафтари опирается на английский текст Б. Пареса, созданный на основе русского варианта басни. Н. В. Крицкая, исследователь переводов басен И. А. Крылова на английском языке, утверждает: «...тот, кто был знаком с банями Крылова в оригинале, не мог быть удовлетворен их прозаическим воспроизведением...по сути дела, эти переводы надвое разбивали комплексное, фразеологически нерушимое понятие "басни Крылова" и изымали из него последний, "авторский" компонент с тем результатом, что если их можно безоговорочно назвать "баснями", то "баснями Крылова" назвать их нельзя» [8, с. 186]. Нами был выявлен один единственный перевод, сделанный с русского языка преподавателем РКИ в Иране Л. Ханджани [9].

Исходя из вышеизложенного, объектом нашего исследования является своеобразие трансформаций интерпретаций произведений одной культуры на язык другой, как с исходного языка, так и с языка-посредника. Предметом исследования являются басня «Ворона и лиса» И. А. Крылова на русском языке и две его интерпретации на персидском языке, под названием "Kalagh va rubah".

А что такое в нашем понимании является басня? Дж. Хорган называет басни историями: «... изображающие животных или насекомых, например лисиц, кузнечиков,

лягушек, кошек, собак, муравьев, крабов, оленей и обезьян, представляющих людей, вовлеченных в ситуации, подобные человеческим (вера, известная как аминизм)» [10].

Рассуждая на эту тему, В. А. Жуковский подчёркивает: «Стихотворный рассказ-происшествие, в котором действующими лицами обыкновенно бывают или животные, или твари неодушевленные. Цель сего рассказа – впечатление в уме какой-нибудь нравственной истины, заимствуемой общежития и, следовательно, более или менее полезной» [11, с. 402].

Иранский исследователь М. Джафари на тему басни рассуждает следующим образом: «Басня – это один из самых древних повествовательных литературных жанров. Персидские басни рассказываются в прозе, и иногда в стихах... Основная тематика аллегорических басен связана с практической жизнью и способами решения повседневных проблем, то есть с мирскими категориями» [12, с. 149].

Процесс перевода текста с одного языка на другой является актом межкультурной коммуникации, репрезентацией культуры носителей исходного языка на язык перевода сквозь призму языковой личности переводчика [13].

Опираясь на высказывание С. Табарова, М. Б. Галимова в исследовании пишет: «Произведения великого литератора одного народа должен переводить великий литератор другого народа» [14, с. 116].

Художественный перевод значительно отличается от других видов перевода и подчёркивает идею непереводаемости литературных произведений, особенно стихотворных форм, являясь в противном случае лишь слабым отражением исходного текста, указывает З. Мохаммади [15, с. 141].

Однако, как утверждает К. Сафави: «Каждый язык обладает необходимыми и достаточными возможностями для полноценной коммуникации, и они могут быть использованы в процессе перевода. Перевод может быть дословным, предложение за предложением или свободным» [16, с. 17]. Верное воспроизведение стиля является одной из главных задач переводчика, ибо индивидуальный стиль писателя и составляет, как правило, то неповторимое, что есть в каждом произведении. Произведение, лишённое в переводе индивидуальных черт, в огромной степени теряет эстетическую ценность [17, с. 13].

Иранский исследователь М. Дж. Таваколи отмечает, что принцип верности перевода, будучи основным критерием переводной оценки, заключается в усилиях, которые переводчик прикладывает чтобы достоверно передать авторский смысл [18, с. 171].

Исследуя басни Крылова на английском языке, Н. В. Крицкая указывает, что англичане сомневались в возможностях перевода русской лирики: «... допускали как поэтическую, так и прозаическую форму воплощения авторского замысла» [19, с. 71]. Однако В. Г. Белинский высказал мнение, что басни И. А. Крылова нельзя переводить ни на какой иностранный язык; их можно только переделывать ... и в таком случае от них не останется ничего хорошего, авторского [20, с. 574].

Из вышесказанного вытекает актуальность нашего исследования, которая представлена своевременным интересом проведения сопоставительного анализа в семантическом аспекте переводческих интерпретаций басни И. А. Крылова на персидском языке, выполненных с русского и английского языков, так как произведения гениального автора русских басен на персидском языке и их соответствие оригиналу до настоящего времени являются не исследованной проблемой.

Методы и методология исследования.

В данной работе авторы, исходя из цели исследования, опирались на: а) метод сопоставительного и лингвистического анализа, при построении детального сравнении подлинника и его интерпретаций на персидском языке; б) историко-литературный методы исследования при выявлении сходств и различий взглядов автора и переводчиков на ряд вопросов мировоззрения и мировосприятия; в) сравнительный метод, который позволяет достаточно подробно представить роль интерпретаций басни И. А. Крылова на персидском языке. Для решения обозначенной цели авторы использовали теоретические и методологические положения в области перевода и межкультурного взаимодействия и коммуникации российских и иранских специалистов-исследователей, таких как Т. В. Ковалева, Л. С. Бархударов, М. Дж. Таваколи, К. Сафави и др. Теоретическим материалом для последующего сопоставительно лингвистического анализа послужили басня И. А. Крылова «Ворона и Лисица» и перевод выполненный Л. Ханджани с языка подлинника и перевод, выполненный Б. Азабдафари с английского языка.

Результаты исследования и их об- суждение. Далее представлен более подробный построчный анализ данных двух интерпретаций басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица» на персидском языке.

Общеизвестно, что существует несколько версий данной басни: Эзопа, Лафантена, Сумарокова т. д. Сюжет басни И. А. Крылова начинается со строки: *Вороне где-то бог послал кусочек сыру.*

Перевод данной строчки, сделанный с английского языка, *بارى، خداوند تکه پنیری را نصیب کلاغی کرد* характеризуется наличием слов, не имеющих в тексте. Например, [bari] – «*как-то раз*» указывает на приближение переводимого отрывка к легкому и быстрому пониманию ее детской аудиторией, так как народные иранские сказки начинаются со слов *либо* [eki bud eki nabud] – *было ли не было ли*, *либо* [bari] – *как-то раз*.

Перевод с русского языка звучит следующим образом *خداوند تکه پنیری را نصیب کلاغ سیاهی کرد*, где автор переводчик добавил к слову Ворона эпитет [siahi] что означает цвет «*чёрный*». Следует отметить, что автор сознательно вводит данный эпитет. Это связано с тем, что в Иране имеется несколько вариантов перевода данной басни, произведенных с вариантов английских, французских и других авторов. Обратившись к данным переводам, мы обнаружили, что переводчики использовали «*сорока*» в качестве главной героини басни – *زاغ – zagh* вместо вороны – *کلاغ [kalagh]*. Известно, что данные роды птицы имеют принципиальное отличие в своей окраске. Следовательно, автор-переводчик постарался точно передать род птицы через данный эпитет, т. е. путём описания окраса его оперения.

Далее отметим, что Крылов использовал «*бог послал*» и данная строчка очень близка к культуре иранского народа, так как любой иранец, будучи религиозной личностью, часто в своей речи использует выражение «*дай бог*», «*бог даст*» и т. д. Таким образом, в данной строчке можно найти переплетение русской и персидской лингвокультур.

Следующий отрывок басни: *На ель Ворона взгромоздясь, Позавтракать было совсем уж собралась, Да призадумалась, а сыр во рту держала.*

Б. С. Азабдафари приводит следующий перевод этих строк: *کلاغ در حالی که قالب پنیر را به منقار داشت روی درخت کاج فرود آمد*. В данном отрывке перевод выполнен в произвольной повествовательной форме, что в принципе

не противоречит жанровому стилю иранской басни. «*Взгромоздиться*» имеет значение взобраться с усилием на что-нибудь высокое. Переводчик использовал слово [forod amäd], что означает «*высадиться на чем-либо*». Однако переводчик по совершенно непонятным причинам опустил следующую строку: *Позавтракать совсем уж было собралась.* При переводе с русского языка переводчик использует слово [neshäst] в значении «*сидеть*»: *کلاغ بر درخت کاجی نشست ، آماده صبحانه خوردن بود و تکه پنیر در دهانش بود که در غرق افگارش شد.*

Пытаясь сохранить сходство с текстом И. А. Крылова, переводчик вместо слова [menghar] – *клюв*, как это было сделано с английского текста, использовал [dahan] в значении *рот*. Отметим, что данный перевод выполнен, по сравнению с переводом с английского языка, мастерски искусно. Переводчик сумел сохранить ясность мысли и простоту изложения.

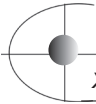
Следующая строка И. А. Крылова звучит: *На ту беду Лиса близехонько бежала.*

Перевод Б. С. Азабдафари звучит следующим образом: *از شانس بد روبهی در آن اثنا از آنجا رد می شد*. Автору не удалось передать слово «*близехонько*», свойственное народнопозитическому стилю, и использует [räd mishod], в значении наречия «*мимо*» пройти, что также противоречит действию «*бежала*». Перевод, предложенный с русского текста, выглядит как: *از بخت بد روبهی دوان دوان از کنار درخت می گذشت*. В данном варианте переводчик предпочёл также употребить глагол [dävandävan migozasht], близкое по значению к глаголу «*бежать*» с наречием «*мимо*» (дерева).

Обратимся к следующему отрывку: *Вдруг сырный дух Лису остановил: Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.*

В переводе с английского текста переводчик лишь указал, что запах сыра доносился до Лисицы, а вид сыра вызвал у него слюноотделение: *بوی پنیر به دماغش می خورد و از دیدن قالب بوی پنیر مانع از ادامه ی حرکتش شد. روبه پنیری: بوی پنیر مانع از دید که هوش از سرش برده است* – более указывает на то, что запах сыра стал причиной того, что Лисица не смогла дальше продолжить свой путь, что явно намного ближе к тексту оригинала. Однако переводчик, синтаксически переосмыслив данный отрывок, посчитал целесообразным разделить его на два простых предложения.

В следующем эпизоде басни автор называет Лисицу плутовкой: *Плутовка к дере-*

ву на цыпочках подходит. Согласно статьям толковых словарей «плутовка» определяется как лукавая обманщица. Отметим, что в русской языковой картине мира лиса характеризуется как обольстительница и олицетворяет такие качества характера, как хитрость, красноречие и притворство.

В переводе данного отрезка басни переводчик Б. С. Азабдафтари, желая указать на данные характеристики использует слово [dozdäki], т. е. представляет персонаж скорее в образе воровки, чем плутовки: آرام و دزدکی به درخت نزدیک می شود. Однако в переводе с оригинала автор попытался не отступать от оригинала и представил его следующей фразой: حيله گر با نوک پا و آرام به درخت نزدیک شد.

Из приведённых фраз видно, что переводчик, работая с текстом на английском языке, необоснованно удалил из текста одно эмоционально-оценочное слово – «плутовка», эквивалентом которого в персидском языке является [hilegar], и заменил его на другое – «воровку». Мы можем предположить, что в английском варианте басни И. А. Крылова, выполненным Б. Пэйрзом, лиса представлена в образе воровки и именно поэтому Б. С. Азабдафтари заменил её «плутовку». В переводе с русского языка переводчик сохранил самобытность русского фольклорного жанра. Отметим, что и в персидской языковой картине мира лиса так же, как и в русском языке, является персонажем, олицетворяющим аналогичные с русской лингвокультурой качества.

В данном переводном отрезке также можно выделить ошибку в переводе способа передвижения. Переводчик использует эквивалентом «на цыпочках» персидское аналитическое выражение [ba poke ra], т. е. буквально как «на кончиках ног», в то время, когда имеется более звучное и точное эквивалентное выражение [pavärchin].

Следующие строки басни: *Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит, И говорит так сладко, чуть дыша.*

Перевод басни, сделанный с английского языка, утратил наречие «сладко», что характеризует в русской лингвокультуре красноречивость Лисицы: آرام لب به سخن می گشاید. Поэтому перевод, сделанный с родного языка И. А. Крылова, более достоверно передает данные характерные качества персонажа при помощи [ba shirini]. Однако автор передаёт данное выражение в форме прошедшего времени: اندکی نفس تازه کرد و با شیرین زبانی گفت.

В русском языке фразеологизм «чуть дыша» означает «чрезвычайно осторожно, чуть слышно». Эквивалентом ему в персидском языке является оборот [be agämi], что и было употреблено переводчиком с английского языка, в отличие от переводчика с русского языка. Таким образом, в данном случае первый перевод является более достоверным по отношению ко второму. Однако второй перевод не утерял своей оригинальности и красноречивости.

В следующих строках басни: *«Голубушка, как хороша! Ну что за шейка, что за глазки! Рассказывать, так право, сказки! Какие перышки! какой носок! И верно ангельский был должен голосок! Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица, При красоте такой и петь ты мастерица, – Ведь ты б у нас была царь-птица!».*

Для передачи язвительной красноречивости Лисицы И. А. Крылов использует следующие выразительные средства языка: эпитеты, восклицательную интонацию, а также уменьшительно-ласкательные суффиксы. Примечательно что авторы обоих переводов попытались сохранить речевую выразительность персонажа, используя различную интерпретацию прямой речи, как при помощи восклицательных предложений, так и эпитетов. Однако персидская грамматика характеризуется отсутствием уменьшительно-ласкательных суффиксов передающих экспрессивную окраску – положительную оценку, выражение симпатии. С этой целью авторы-переводчики для передачи выразительности слов «глазки», «перышки», «носок», «голосок», «шейка» и т. д. вынуждены были использовать восклицательные частицы [che], [chegädr], [än] и [äjäb]. Выразительность использованных автором обращений, такие как «голубушка» переводчики передали при помощи эпитетов [mähbube man] и [pärende mähbub], а «сестрица» его прямым эквивалентом – неэмоциональным «сестра» [kähär], где возможно было бы предпочтительнее использовать более эмоциональное [kähärjun]. Однако, в переводе с английского языка была полностью удалена одна из строк: *Рассказывать, так, право, сказки!* Переводчик использовал приём упрощения текста, тем самым лишив его исключительной крыловской выразительности.

Далее не менее значимым для русской языковой картины мира является выражение из басни: *«Вещуньяина с похвал вскружилась*

голова, ...». Переводчик Б. С. Азабдафари данную строку приводит как: کلاغ نادان از شنیدن مدیحه ی روباه از خود بی خود می شود. Автор называет Ворону نادان [nadan], что имеет значение «глупая». Однако «вещунами» в русской лингвокультуре называют предсказателей, что и было зафиксировано в переводе с языка оригинала при помощи слова خبرچین [häbärchin]: کلاغ خبرچین مجذوب تمجیدهای روباه شد. Однако если учесть, что басни носят аллегорический характер, то авторам-переводчикам следовало бы учесть, что ворон в русской лингвокультуре является птицей, символизирующей мудрость и опыт, а ворона же, как представительница женского пола данного рода птиц, в русской лингвокультуре ассоциируется с такими качествами характера как невежество и глупость. Вороной также называют людей-болтунов и сплетников. Таким образом, в русской фольклористике ворона и ворон это совсем разные по характеру поведения персонажи. Исходя из вышеизложенного, напрашивается вывод, что Крылов И. А. таким образом язвительно иронизирует и насмехается, называя ворону вещуньей. Возвращаясь к переведённым текстам, выходит, что правильным изложением смысла фразы всё-таки является перевод с английского языка, где переводчик довольно точно передал тонкую иронию И. А. Крылова.

Основным признаком басни является наличие в ней морали. Мораль басни И. А. Крылова заключается в следующих строках: *Уж сколько раз твердили миру, Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок, И в сердце льстец всегда отыщет уголок.*

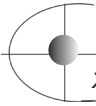
Перевод с английского языка выглядит следующим образом: جقدر به ما گفته اند که تملق کار زشت و پستی است! شخصی متملق همیشه در دل ماجایی پیدا میکند.

Из приведённого примера наглядно видно, что автор с целью показать эмоциональность морали басни, хотя он и передаёт общее содержание отрывка, делит речь на части и вводит в речь восклицательные предложения, чего явно не достаёт в переводе, сделанном преподавателями РКИ в Иране. Например: اینکه تملق منفور است و پر گزند بار ها به مردمجهان گفته شده اما این تکرار برای عاقبت اندیست نیست فایدهای نیز ندارد چراکه آدم چایپوسی همیشه گوشه ای از قلب را می یابد. Здесь перевод содержит практически дословно переведенную мораль. Однако речь не эмоциональна, отсутствуют восклицательные предложения и частицы.

Заключение. Нами был проведён сопоставительно-сравнительный анализ интерпретаций на персидском языке текста басни И. А. Крылова «Ворона и Лисица», выполненных с русского языка преподавателем русского как иностранного в Иране Л. Ханджани и с английского варианта автора Бернарда Пэйрза, выполненный Б. С. Азабдафари. Отметим, что перевод «Вороны и Лисицы», сделанный с английского источника, стал на сегодняшний день неотъемлемой частью персидской литературы и культуры.

На основании проведённого аналитического исследования интерпретаций басни, можно сделать вывод, что принципиально важных отличий в исследуемых переводах не было обнаружено. Обе исследованных нами интерпретации перевода басни выполнены согласно принципу функционального соответствия переводного и оригинального текста, что характеризуется отсутствием для истинного её толкования существенных изменений. Авторы путём различных переводческих трансформаций пытались сохранить в пределах возможного соответствия экспрессивно-эмоциональный окрас произведения, его художественно-идейное содержание и пафос. Переводчики избегали внесения изменений в текст, не вносили каких-либо собственных умозаключений, не дополняли персидскими изречениями и выражениями. Таким образом, переводы данной басни на персидском языке довольно близки по своему смыслу к оригиналу. Переводчики пытались сохранить самобытность и национальный культурный колорит произведения, стремились передать тонкости языка басни. Однако, с точки зрения авторов, басня, переведённая Б. С. Азабдафари с английского источника, утратила свойственную крыловским басням непосредственность и больше приближена к пересказу, чем художественному переводу. Помимо этого, работа над переводом данного автора осуществлялась через перевод-посредник, в результате чего текст все-таки приобрёл некую специфику английской культуры.

Было выявлено, что при переводе были использованы различные способы адекватного перевода, особенно столкнувшись с уменьшительно-ласкательными суффиксами, в силу того, что данная морфологическая особенность отсутствует в персидском языке, переводчики прибегли к использованию восклицательных частиц.

Басня И. А. Крылова «Ворона и Лисица» написана в стихотворной форме соблюдением рифмовки, вольным разностопным ямбом и включает 26 строк. Варианты исследуемых нами переводов басен на персидском языке выполнены в форме свободного перевода и без строгого соблюдения рифмовки. Выше мы указывали, что жанровое своеобразие персидской басни позволяет прозаическую форму повествования, в отличие от русской басни. В связи с этим, у переводчиков оказались значительные расхождения в его метрике и некоторые расхождения с оригиналом относительно текстового объема произведения, в связи с внутритекстовыми сокращениями, усечениями и видоизменениями. Перевод басни произведённый с родного языка И. А. Крылова, т. е. с русского языка, состоит из 20 строк, а перевод Б. С. Азабдафари с английского источника уложился в 15 строк. Здесь возникает необходимость подчеркнуть, что в обоих вариациях пере-

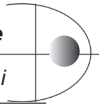
водов хоть и сохранено содержание текста, однако были утрачены красота и своеобразие басен И. А. Крылова.

Отметим, что в цель нашего сопоставительного анализа не входило выявление какой перевод из данных вариантов является лучшим по отношению к другому, и потому наш анализ несколько не умиляет заслуг переводчиков в процессе становления художественного перевода в Иране.

Переводы басен И. А. Крылова, несомненно, играют значимую роль в обогащении литературы персидского народа. Переводы произведений И. А. Крылова способствуют в Иране большему взаимопроникновению и взаимообогащению художественных культур. В перспективы нашего исследования входит возможность продолжения более подробного сопоставительно-сравнительного изучения интерпретаций басни И. А. Крылова и их персидских интерпретаций, с целью выявления различий и сходств в данном направлении.

Список литературы

1. Саидова М. Ш. Особенности перевода произведений Н. С. Гумилева на таджикский язык: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Душанбе, 2021. 155 с.
2. Карими-Мотаххар Дж. Перевод русской литературы в Иране. Ч. 1. URL: <https://www.tebyan.net/index.aspx?pid=184506> (дата обращения: 10.03.2022). Текст: электронный.
3. Макибаева А. М. Перевод как одна из форм литературных взаимосвязей (на примере перевода поэзии Гёте). URL: <https://articlekz.com/article/23669> (дата обращения: 10.03.2022). Текст: электронный.
4. Пулаки П. Переводы произведений В. В. Маяковского и М. А. Шолохова в Иране: проблемы интерпретации: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2020. 32 с.
5. Жарикова Е. Е. Изучение творчества И. А. Крылова иностранными студентами (на примере басни «Ворона и лисица») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 8. С. 176–178.
6. Азабдафари Б. Иван Андреевич Крылов. Аллегорические анекдоты. Тегеран: Нилуфар, 2013. 217 с.
7. Исаков К. А. Влияние И. А. Крылова на жанр кыргызской басни. Текст: электронный // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 4–6. С. 1231–1234. URL: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=9170> (дата обращения: 10.03.2022).
8. Крицкая Н. В. Басни И. А. Крылова в зеркале русско-английского диалога: аспекты преображения // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3. 183–187.
9. Ханджани Л., Рагаки П. Б. Иван Андреевич Крылов: полное собрание басен, стихов, эпиграмм. Гилан: Публикации Гилянского университета, 2020. 110 с.
10. Хорган Дж. Басни Эзопа. Энциклопедия всемирной истории. Март. 2014. URL: <https://www.worldhistory.org/article/664/aesops-fables> (дата обращения: 10.03.2022). Текст: электронный.
11. Жуковский В. А. О басне и баснях Крылова. Собрание сочинений в 4 т. М.; Л.: Государственное изд-во худ. лит-ры, 1960. Т. 4. С. 402–418. URL: https://rvb.ru/19vek/zhukovsky/01text/vol4/02prose_rarets/318.ht (дата обращения: 10.03.2022). Текст: электронный.
12. Джафари Канавати М. Аллегорические мифы // Культура иранского народа. Лето 2009. № 17. С. 145–161.
13. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Л., 1984. 16 с. (дата обращения: 10.03.2022). URL: <https://studfiles.net/preview/3299583> (дата обращения: 10.03.2022). Текст: электронный.
14. Галимова М. Б. И. А. Крылов и таджикская литература (проблемы перевода его басен на таджикский язык): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.087. Душанбе. 2021. 164 с.
15. Моххамеди З. Неудачи переводов русских произведений на персидский язык (на примере перевода повестей Александра Пушкина) // Лингвистические исследования иностранных языков. 2012. Т. 2. С. 137–147.

16. Сафави К. Семь речей о переводе. Тегеран: Maad Book Markaz Publishing, 2003. 80 с.
17. Холботурова С. С. Особенности перевода поэзии А. Блока на таджикский язык: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08. Душанбе, 2019. 26 с.
18. Таваколи М. Дж. Принципы и основы сравнительного сопоставления переводов, на примере перевода книги Амартьясена «Развитие и свобода» // Журнал гуманитарных исследований. 2009. № 1. С. 165–224.
19. Крицкая Н. В. Феномен английской басни в жанровом и функциональном аспектах // Вестник Томского педагогического государственного университета. 2010. № 8. С. 70–72.
20. Белинский В. Г. Иван Андреевич Крылов // Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Изд-во АН СССР. 1953. Т. 8. С. 565–592.
21. Бархурдаров Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отн., 1975. 240 с.
22. Ковалева Т. В. Художественный перевод и личность переводчика // Идеи. Поиски. Решения: сб. ст. VII Междунар. науч. практ. конф., Минск, 25 ноября 2014 г. Минск: Белорус. гос. ун-т, 2015. С. 108–112.
23. Сидоренко К. П. Басни И. А. Крылова в ассоциативных реакциях // Психолингвистические аспекты речевой деятельности / Урал. гос. пед. ун-т; Урал. психолингв. общество. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2016. № 14. С. 300–311.
24. Трахтенберг Л. А. Крылов и Ж. де Лафонтен. Динамика рецепции // Литературоведческий журнал. 2019. № 46. С. 39–61. DOI: 10.31249/litzhur/2019.46.04.
25. Ханджани Л., Гударзванд Х. Произведение Антона Чехова «Чайка». Недочеты перевода пьесы: материалы Первой нац. конф. по лит. исследованиям. Тегеран: Университет Алламе Табатабаи, 2016. С. 1–9.

Информация об авторах

Халида Сиями Эйдлак, кандидат филологических наук; Боджнордский университет; 9453155111, Иран, Северный Хорасан, г. Боджнорд; kh.siyami@ub.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-9466-7428>.

Чераги Бахаре, кандидат филологических наук; университет им. Шахида Бехешти; 1997967556, Иран, г. Тегеран, Вэленджак; bahareh.cheraghi@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0001-7602-1308>.

Вклад авторов

Халида Сиями Эйдлак – основной автор, организатор данного исследования, собирал материал, формулировал выводы и написал заключение исследования.

Бахаре Чераги – соавтор, собирал и обрабатывал материал по эквивалентности вариантов переводов русской басни на персидском языке.

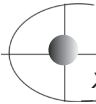
Для цитирования

Халида Сиями Эйдлак, Бахаре Чераги. И. А. Крылов в зеркале русско-персидского межкультурного диалога // Гуманитарный вектор. 2023. Т. 18, № 3. С. 57–66. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-3-57-66.

Статья поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 28.05.2022; принята к публикации 29.05.2022.

References

1. Saidova, M.Sh. Features of the translation of the works by N. S. Gumilyov into the Tajik language. Cand. sci. dis. Dushanbe, 2021. (In Rus.)
2. Karimi-Motakhhkar, J. Translation of Russian literature in Iran. Part 1. Web. 10.03.2022. <https://www.tebyan.net/index.aspx?pid=184506> (In Rus.)
3. Makibaeva, A. M. Translation as one of the forms of literary interconnection (for example, translation of Goethe's poetry). Web. 10.03.2022. <https://articlekz.com/article/23669> (In Rus.)
4. Pulaki, P. Translations of V. V. Mayakovsky and M. A. Sholokhov in Iran: problems of interpretation: author. Cand. sci. dis. Moscow, 2020. (In Rus.)
5. Zharikova, E. E. Studying the creativity of I. A. Krylov by foreign students (on the example of the fable *The Crow and the Fox*). Philological Sciences. Questions of theory and practice, no. 8, pp. 176–178, 2017. (In Rus.)
6. Azabdaftari, B. Ivan Andreevich Krylov. Allegorical jokes. Tehran: Nilufar Publishing House, 2013. (In Persian)
7. Isakov, K. A. The influence of I. A. Krylov on the genre of the Kyrgyz fable. International Journal of Applied and Fundamental Research, no. 4–6, pp. 1231–1234, 2016. Web. 10.03.2022. <https://applied-research.ru/article/view?id=9170> (In Rus.)

8. Kritskaya, N. V. IA Krylov's Fables in the Mirror of Russian-English Dialogue: Aspects of Transformation. Bulletin of TSPU, no. 3, pp. 183–187, 2012. (In Rus.)
9. Khanjani, L., Ragaki, P. B. Ivan Andreevich Krylov: a complete collection of fables, poems, epigrams. Gilan University Publications. 2020. (In Rus.)
10. Horgan, John. Aesop's Fables. World History Encyclopedia. March 2014. Web. 10.03.2022. <https://www.worldhistory.org/article/664/aesops-fables> (In Engl.)
11. Zhukovsky, V. A. About Krylov's fable and fables. Collected works in 4 volumes. M. L.: State Publishing House of Fiction, 1960. T. 4. Pp. 402–418. Web. 10.03.2022. https://rvb.ru/19vek/zhukovsky/01text/vol4/02prose_papers/318.ht (In Rus.)
12. Jafari Kanavati, M. Allegorical myths. Culture of the Iranian people, no. 17, pp. 145–161, summer 2009. (In Persian)
13. Bogin, G. I. Model of a linguistic personality in its relation to the varieties of texts: author. Dr. sci. dis. Leningrad, 1984. Web. 10.03.2022. <https://studfiles.net/preview/3299583> (In Rus.)
14. Galimova, M. B. I. A. Krylov and Tajik literature (problems of translating his fables into Tajik). Cand. sci. dis. Dushanbe, 2021. (In Rus.)
15. Mohamadi, Z. Failures of translations of Russian works into Persian (on the example of translation of the stories by Alexander Pushkin). Linguistic studies of foreign languages, no. 2, pp. 137–147, 2012. (In Persian)
16. Safavi, K. Seven speeches about translation. Tehran: Maad Book Markaz Publishing, 2003. (In Persian)
17. Kholboturova, S. S. Features of the translation of A. Blok's poetry into the Tajik language: author. Cand. sci. dis. Dushanbe, 2019. (In Rus.)
18. Tavakoli, M. J. Principles and foundations of comparative comparison of translations, on the example of translation of Amartyasen's book "Development and Freedom". Journal of Humanitarian Research, no. 1, pp. 165–224, spring \ summer 2009. (In Persian)
19. Kritskaya, N. V. The phenomenon of the English fable in genre and functional aspects. Bulletin TPGU, no. 8, pp. 70–72, 2010. (In Rus.)
20. Belinsky, V. G. Ivan Andreevich Krylov, Poln. coll. cit.: in 13 v. M., 1953. Vol. 8. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 1953. Pp. 565–592. (In Rus.)
21. Barkhurdarov, L. S. Language and translation (Questions of general and particular theory of translation). M: International relations, 1975. (In Rus.)
22. Kovaleva, T. In Literary translation and the personality of the translator 2015 Minsk: BSU Ideas. Search. Decisions. Collection of articles VII Intern. scientific. practical conf. Minsk, November 25, 2014. Minsk: BSU, 2015. Pp. 108–112. (In Rus.)
23. Sidorenko, K. P. Fables I. A. Krylova in associative reactions. Psycholinguistic aspects of speech activity. Ural. state ped. un-t; Ural. psycholinguist. society. Yekaterinburg, no. 14, pp. 300–311, 2016. (In Rus.)
24. Trakhtenberg, L. A. Krylov and J. de La Fontaine. Dynamics of reception. literary journal, no. 46, pp. 39–61, 2019. DOI: 10.31249/litzhur/2019.46.04 (In Rus.)
25. Khanjani, L., Gudarsvand, H. The work of Anton Chekhov *The Seagull*. Deficiencies in the translation of the play. Materials of the First National Conference on Literary Research. Tehran: Allame Tabatabai University. March 2016. Pp. 1–9. (In Persian)

Information about author

Khalida Siyami Eidlak, Candidate of Philology; Bojnord University; Bojnord, North Khorasan, 9453155111, Iran; kh.siyami@ub.ac.ir; <https://orcid.org/0000-0001-9466-7428>.

Bahareh Cheraghi, Candidate of Philology; Shahid Beheshti University; Valenjak, Tehran, 1997967556, Iran; bahareh.cheraghi@yahoo.com; <https://orcid.org/0000-0001-7602-1308>.

Contribution of authors to the article

Siyami Eidlak Kh. – the main author, the organizer of this study, who collected and processed material, formed the conclusions and drew the conclusion of the study.

Cheraghi B. – the second author, who collected and processed material on the equivalence of versions of translations of a Russian fable in Persian.

For citation

Khalida Siyami Eidlak, Bahareh Cheraghi. Krylov I. A. in The Mirror of Russian-Persian Intercultural Dialogue // Humanitarian Vector. 2023. Vol. 18, no. 3. P. 57–66. DOI: 10.21209/1996-7853-2023-18-2-57-66.

**Received: April 10, 2022; approved after reviewing May 28, 2022;
accepted for publication May 29, 2022.**